

ГРЯЗНЫЙ ЭРОС

ДАРЬЯ КОРЯКИНА

18+

3+

Дарья Корякина Грязный Эрос

<https://litres.ru/74065589>

SelfPub; 2026

Аннотация

Монако. Сингапур. Амстердам. Лондон.

Вивьен носит чужое лицо. Имя Марьянны Делакруа-Линь значится в реестрах мёртвых уже сорок один день — но тело её ходит по ночным барам, улыбается мужчинам и оставляет позади семь трупов в семи городах. Орудие убийства — не нож и не яд. Орудие убийства не знает ни одна земная лаборатория.

Драго Велимир, следователь «Аномалии-9» Интерпола, ведёт это дело уже месяц. Он не верит ни в призраков, ни в совпадения — только в данные. Но данные складываются в картину, для которой у него нет ни протокола, ни определения: каждая жертва — насильник, торговец людьми, коррумпированный судья. Серийный убийца, который действует как правосудие.

А ещё — три ночи подряд Драго снится существо с одним огромным глазом во весь лоб. Оно смотрит на него сквозь сон и повторяет одно и то же:

«Я не зло. Я чистильщик».

Содержание

Глава 1. Грязный Эрос: получше твоего порно	4
Глава 2. Город Q	8
Глава 3. Вы точно приняты	12
Глава 4. Акт второй	15
Глава 5. Семь тел	19
Глава 6. Третий глаз Драго	23
Глава 7. Каре Лука	26
Глава 8. Жёлтый бант	31
Глава 9. Марьянна из Сайгона	36
Глава 10. Кайра	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Корякина

Грязный Эрос

Глава 1. Грязный Эрос: лучше твоего порно

Марта закатила глаза и запрокинула голову. Она извивалась и стонала так, словно под чешуйками её кожи скрывалась плоть совсем иного происхождения — горячая, перепончатая, не совместимая с привычной анатомией. Вивьен наблюдала за ней снизу.

Апартаменты на одном из верхних этажей «Métropole Monte-Carlo» плыли в свете медовых бра: шёлк цвета выдержанного коньяка, плитусы с золотым молдингом, биостекло панорамного окна, за которым гавань Эркюль мерцала сотнями мачтовых огней. Дождь снаружи не шёл — стояла сухая монегасская ночь, — но огни на воде подрагивали, будто глубина под ними дышала. Вивьен это видела. Вивьен видела многое.

Поглощённая процессом, она всё же сохраняла хладнокровие и трезвость суждений. Женщина положила обе руки на груди Марты: увесистые, тёплые, с лёгкой дрожью внутри, как у только что схваченного зверя. Посмотрела на её лицо.

Окинула взглядом весь силуэт — ключицы, живот, бёдра — и, плавно приподняв правую ладонь к ямке под горлом наездницы, резко проколола сонную артерию. Кровь хлынула на лицо и грудь Вивьен горячей короткой волной.

Острая спица вылетела из пальца с такой скоростью и столь же стремительно вернулась обратно, что Марта ничего не успела понять. Она даже не успела схватиться за горло.

Настолько стремительно Вивьен скинула женщину на бок, острым, как скальпель, металлическим языком рассекла тело от солнечного сплетения до лобка и, усевшись поудобнее, отложила внутрь яйца. Кладка вышла белёсой, опаловой — речной жемчуг в нефти. Двенадцать сфер размером с виноградину улеглись в полости вскрытого живота с тихим хрустом, точно укладывались в заранее выточенное ложе. Тёплая кровь Марты сомкнулась над ними мембраной, и рана сама собой стянулась: кожа, мышцы, фасция, эпидермис. Шов исчез, словно его никогда не существовало.

Вивьен поднялась с тела и осмотрела номер так же неторопливо, как минуту назад осматривала клиентку. Шторы из тяжёлого шёлка — цвет сухой крови. Лампа с абажуром в виде гранёного кварца. На прикроватной консоли эпохи Луи XVI — почти не тронутый бокал шампанского Krug, один лепесток чайной розы рядом, серебряная зажигалка с гравировкой «М». Чужой инициал. Чужая жизнь. Через девять земных суток здесь не останется и её.

В зеркале напротив Вивьен увидела себя: высокую, бело-

кожую, с длинной шеей и волосами цвета мокрого графита. Лицо женщины, которое она носила, по-прежнему было совершенным — чуть азиатские скулы, рот, нарисованный одним движением, глаза в тяжёлых ресницах. Лицо Марьяны Делакура-Линь, двадцати семи лет, Лиссабон — Алфاما, мёртвой по всем земным реестрам уже сорок один день. Вивьен наклонила голову, и отражение наклонило вместе с ней — синхронно, послушно, безупречно.

— Ну вот, — сказала она зеркалу очень тихо, на языке, которого на этой планете не знал никто. — Ещё одна не по-жалеет.

Кровь со щеки она вытерла внутренней стороной запястья. Капля упала на ковёр и впиталась бесшумно, как чернила в промокашку. К утру в номере найдут женщину, умершую во сне от обширного кровоизлияния в мозг. Никаких следов взлома, никаких признаков сексуального насилия, никаких посторонних биоматериалов — никаких яиц. Никто не вскрыет тело, потому что её сестра — прокурор апелляционного трибунала, и сестра не позволит.

Через двенадцать суток в той же квартире сестра проснётся ночью от тихого хруста под собственными рёбрами и решит, что просто съела что-то не то.

Вивьен надела чёрное платье до щиколотки и плоские бархатные туфли. Шубу не взяла — снаружи стояла середина мая, воздух Монако был сладким от мимозы и солёным от воды. Она спустилась по чёрной лестнице, миновала камеру,

которая моргнула на её движение и потом честно записала пустой коридор. Через служебный вход вышла в переулок, где над мусорными баками висел молодой месяц — очень белый, очень чистый, совершенно равнодушный.

Внутри её тела двенадцать яиц Марты начинали тихую, медленную работу. К полуночи они проснутся и начнут читать ту самую кровь, которая их укрыла. Кровь Марты помнила всё: каждую взятку, каждый донос, каждое заказанное убийство, каждого ребёнка, проданного через её благотворительный фонд «Светлое детство». Яйца, прочитав, вынесут приговор. Если резонанс окажется ниже планетарного порога — приговор будет один.

Вивьен знала об этом. И шла вдоль глухой стены над самой гаванью, очень прямая, очень одинокая, почти счастливая. С Boulevard de Suisse тянуло нагретым асфальтом и нейродухами с витрины закрытого бутика — молекулярный состав, воздействующий прямо на лимбику, без посредников. Вивьен почувствовала запах и не почувствовала ничего, кроме лёгкого любопытства. Её лимбика была устроена иначе.

Глава 2. Город Q

— Манхэттен. Прекрасный город. Наверное... Учитывая тот факт, что я никогда его не видела, мало могу рассказать вам о Манхэттене. Да, я солгала. Я не училась в США и даже английского почти не знаю.

— На что вы рассчитывали? — слегка смущённо, но по-доброму и с ноткой иронии спросил мужчина лет сорока с тронувшейся сединой чёрной шевелюрой.

Он сидел за рабочим столом в стеклянном кабинете на четвёртом этаже монашеского офиса Интерпола — сектор «Аномалии-9», — и за его спиной в панорамном окне плавился золотой закат над крышами Монте-Карло. Имплант-серьга в левом ухе светила ровным серебристым пульсом: активный режим связи, входящие сообщения, уведомления. Серьгу он не снимал, кажется, никогда.

— На смелость. На оценку за смелость, прямолинейность и готовность признавать ошибки. Мне кажется, для следователя подобные качества подходят больше, чем Манхэттен. Зачем вам вообще кто-то, кто бывал в Манхэттене? Какое отношение он имеет к делу?

— Никакого. Личные предпочтения, — мужчина взял в руки стеклянное стило и начал постукивать им по столешнице.

— Не нервничайте, босс.

— Я вам пока не босс, Энн.

— Ключевое слово «пока». Вы сами его только что произнесли.

— Я манипулятор.

— Я тоже, — и девушка в нелепом розовом платье улыбнулась во все тридцать два зуба, цвет которых, к сожалению, мало отличался от цвета её некогда жёлтого, выцветшего банта.

— Сколько вам лет? — Драго Велимир начал раздражаться. Мысль о причинах раздражения он оборвал сам, не додумав.

— Мне сорок, — он вздрогнул. — Шучу, — она залилась громким смехом, пронзительным и противным, но всё же заставляющим улыбнуться в ответ. — Двадцать один.

— Слишком юны для такого дела.

— Нашли повод меня отшить? Не выйдет. Молодость даёт свежий взгляд и нестандартный подход — ведь именно его вы хотели, беседуя своих кандидатов, — и Энн посмотрела сквозь прозрачное стекло в коридор, где сидело ещё не менее семидесяти человек.

— Вы правы. Ладно — видит Космос, я совершаю ошибку. Пойдите в кабинет восемьсот одиннадцатый и возьмите материалы дела. Скажите, что Лук послал.

— Кто такой Лук?

— Ваш новый напарник, — Драго показал стилем в дальний угол комнаты, где на кресле-мешке возле стеллажа с

жёсткими дисками сидел высоченный азиат с длинным тёмным каре в огромных белых наушниках.

— Так я ещё и замуж выйду, — Энн демонстративно отвесила челюсть.

— Лук скорее выйдет замуж за меня. Есть подозрения, что он предпочитает мужчин, — Драго ехидно улыбнулся и тут же внутренне поморщился на собственную реплику. — И не ваша задача ублажать Луку. Ваша задача — ублажать меня, — Энн посмотрела на него, брови взлетели вверх. — Не телом, Энн. Своей работой. Найдите мне то, что мы ищем.

— Есть, босс. А что мы ищем?

— Всё поймёте, когда получите материалы из восьмьсот одиннадцатого. Но можете сегодня зайти после рабочего дня в мой кабинет на чай. Только почистите зубы.

— Хорошо.

Когда дверь за ней закрылась, Драго ещё минуту смотрел в стекло, за которым она удалялась по коридору на своих каблуках цвета пьяной фуксии. Потом перевёл взгляд на дальний угол. Лук Чжан-Ари всё так же сидел в наушниках, не поднимая головы. В тонких длинных пальцах с кольцом-ониксом он крутил карандаш с такой скоростью, что тот превращался в серебристое веретено.

— Ты слышал? — спросил Драго.

Лук, не отрываясь от экрана планшета, не глядя на начальника, ответил на безупречном французском с лёгким корейским ритмом:

— Я всё слышу. И эта девочка нам не поможет.

— Почему?

— Потому что она пришла не работать. Она пришла собирать.

— Кому?

— Я ещё не знаю. Узнаю к среде.

Драго поморщился. Среды он не любил. По средам у него обычно умирали люди, которых он рассчитывал спасти.

Глава 3. Вы точно приняты

— Боже, какая ты... — Драго наклонился и провёл языком по ложбинке между лопатками Энн, медленно, от первого грудного позвонка до пояса. Она дрожала.

Кабинет был залит полумраком. Монакская ночь за биостеклом горела — доки внизу, неон казино, дроны-курьеры с мигающими синими огнями, скользящие низко над гаванью. Рабочий стол из матового антрацитового стекла отражал свет: на нём лежала Энн, полные груди прижаты к холодной поверхности, руки связаны за спиной его галстуком из шёлка Grand-Seiko. Рот её был заткнут нижним бельём, завязан тем самым выцветшим жёлтым бантом. На глазах — повязка.

Драго облизывал и вводил пальцы — терпеливо, неторопливо, часами. Он был вынослив без какого-либо усилия, как будто его тело работало по иным часовым поясам, с иным запасом топлива. Он то поднимался на ноги, входил в неё и набирал ритм до самого предела, где плоть начинает мерцать, — то резко останавливался, садился на корточки, раздвигал ладонями, смотрел. Долго смотрел. Потом снова начинал.

Рабочий день закончился в семнадцать ноль-ноль, Энн пришла в восемнадцать. За панорамным окном уже красовалась полная луна над гаванью Эркюль. Было далеко за полночь. Более шести часов непрерывного, методичного, почти

ритуального соития — всего и везде, без пощады и без торопливости. Он вылизывал её так самоотверженно, что казалось: доберётся языком до самого центра, до того слоя, где человек уже не притворяется.

Наконец Драго позволил ей выпрямиться. Поясница у неё затекла, и это заняло время. Он повернул женщину к себе лицом, снял повязку. Её глаза с поволокой уставились на него так, как смотрят на то, что одновременно пугает и держит.

— Вот теперь вы точно приняты, Энн, — прошептал он ей на ухо, сначала слегка прикусив мочку. Её колени задрожали.

Мужчина начал развязывать жёлтый бант и произнёс:

— Не забудьте и завтра зайти.

Когда дверь кабинета закрылась за её осторожными шажками, Драго подошёл к окну и долго смотрел вниз — на гавань, на силуэты яхт, на дроны, мерцающие синим. Поверх собственного отражения в биостекле он увидел не своё лицо, а лицо дочери — девятилетней Майи, которая жила сейчас в Лугано с тётцей и звонила ему раз в три недели, как по расписанию. В апартаментах её бабушки на озёрном берегу горели сейчас канделябры из старого золота, и Майя, наверное, спала под альпийским одеялом, и ей снилось что-то светлое.

Драго сел в кресло, открыл нижний ящик стола, достал початую бутылку граппы без этикетки и налил полную рюм-

ку. Выпил залпом. Налил вторую.

— Прости, — сказал он вслух пустому кабинету.

Кого простить — не уточнил. Кабинет понял.

На столе остались следы влаги от ладоней Энн, два белых волоска от её платья и крошечный, почти невидимый розовый камешек со стразой, отвалившийся от шпильки. Драго поднял камешек, повертел в пальцах и — не задумываясь зачем — сунул его в карман пиджака.

Через три дня этот камешек станет первой уликой в его собственной могиле.

Глава 4. Акт второй

— Вы очаровательны. Позвольте? — молодой брюнет с безупречной бледной кожей начал взбираться на барный стул рядом с Вивьен. — После того, как вы вошли, все женщины здесь как-то поблекли...

Вивьен закатила глаза.

Бар «Meridian-Zero» на Marina Bay в Сингапуре был устроен как вертикальный сад внутри стеклянного цилиндра: орхидеи-голограммы цвели в воздухе на разных высотах, стебли их пульсировали — синий, белый, ультрафиолет. С сорок восьмого этажа открывался вид на ночной залив, где доки светились LED-лентами в форме мандалы. Запах в баре был сложным: живой жасмин, биолюминесцентный лак стойки, лёгкое озоновое дыхание климат-системы.

— Нет-нет. Не пошлая лесть и не грубый подкат. Я сам смущён, что говорю нечто подобное. Но — может быть, впервые за всю историю мужских подходов к женщине — правда. Как вас зовут?

— Вивьен.

— Боже, и имя-то какое... Под статью.

— Предлагаю пойти в номер, — лоб мужчины дёрнулся вверх, зрачки расширились. Лёд в стакане, освобождённом раньше времени от виски Yamazaki, предательски задрезжал.

— Секс?

— Нет, блять, мороженко, — тон такого же холодного, как предатель в его стакане, сарказма обжёг слух. — Ты евнух что ли?

— Хм. Не ожидал от столь утончённой девушки такой прямолинейности. Нет, рассеивая ваши сомнения: я не евнух. Просто, вероятно, несколько лучше воспитан, — мужчина поднялся со стула, ровно встал, поправил борта пиджака, кивнул и развернулся уходить.

— Стойте, — совершенно контрастно прежним интонациям, невероятно тепло и нежно произнесла Вивьен. — Я проверяла вас на достоинство. Дело в том, что семьдесят пять процентов мужчин этого зала уже сегодня попытались приобщить меня к своему прекрасному. К вашему приходу я сделалась невероятно зла... — брюнет повернулся обратно и посмотрел на неё иначе, чем прежде.

— И вы подумали, что я один из этих кавалеров-террористов.

— Ну... — женщина смущённо отвела взгляд на бокал и погладила пальцем вдоль пузырьков. — Вели вы себя очень схоже.

— Признаться, вы правы. Я совсем растерялся, увидев вас. Вот и наплёл чего-то сверхэмоционального.

— Ладно. Предлагаю начать сначала, — Вивьен подняла бокал шампанского в сторону мужчины и широко улыбнулась.

Язык Вивьен скользил по внутренней поверхности его бедра от колена — выше через паховую складку вдоль ствола, страстно очерчивал круг вокруг головки, затем обхватывала её ртом, продолжала скольжение — по животу вверх, резвясь с мышцами пресса, будто играет в крестики-нолики, — поднималась к груди, покусывала соски, целовала шею, нос, веки, и резко уходила вниз, и всё повторялось снова. И снова.

— Как ты вообще туда помещаешься? — спросил брюнет, глядя, как она облизывает его ноги.

Женщина молча поднялась и оседлала его, вставив в себя член рукой. Начала ритмично двигаться — медленно, потом быстрее, потом так, чтобы он замолчал навсегда. Как только он запрокинул голову назад, Вивьен проткнула её насквозь от подбородка до темени своим хвостом. Стремительно вытащила хвост, откинула спинку кресла, разместила влажным лицом прямо над отверстием в голове — и отложила яйца.

Когда яиц во рту мёртвого мужчины уложилось ровно девять, она остановилась. Девять — священное число её вида: триада сознания, триада плоти, триада связи. На остальные у этой жертвы не хватало материала: кровь у него была слишком обеднённой, разбавленной валиумом и кокаином, слишком молодой по душе и слишком старой по печени. Вивьен закрыла ему рот, подняла подбородок, расправила воротник чёрной рубашки от Tom Ford и провела пальцем по линии челюсти. Лицо красивое. Очень красивое. Жаль, что внутри

пусто.

Она вышла из машины, аккуратно поправила юбку и пошла пешком. Камеры её не видели — биополе вокруг тела гнуло свет на нужный процент, как линза. Орхидеи-голограммы мерцали вокруг неё, не замечая. Снаружи, на открытой террасе, горел Marina Bay в полную силу — ночное зеркало залива, башни в огнях, биолюминесцентные гирлянды садовых куполов.

В пятидесяти метрах от выхода из бара её обогнала чёрная машина с тонированными стёклами — автономная, без водителя, но на заднем сиденье сидел седой мужчина лет сорока с тяжёлым взглядом серых глаз. Драго Велимир возвращался с очередного совещания в штабе Интерпола — он не заметил женщину, стоявшую у края террасы. А Вивьен заметила. Очень внимательно — профиль водителя сквозь стекло, серебряное кольцо на его руке у подлокотника, номер машины в формате дипломатического реестра Монако. Запомнила всё.

— Здравствуй, — сказала она вслед удаляющимся стоп-сигналам. — Кажется, мы скоро встретимся.

Луна над Сингапуром стояла та же, что и три ночи назад над Лос-Анджелесом, и неделю назад над Стамбулом. Луна всегда стоит одна и та же. Меняются только мёртвые под ней.

Глава 5. Семь тел

Утром в среду Драго получил по защищённому каналу «Аномалии-9» файл с пометкой «Срочно — гриф „Резонанс“». Открыл. Внутри было семь фотографий.

Семь мужчин. От двадцати семи до сорока шести лет. Монако, Лос-Анджелес, Сингапур, Амстердам, Дубай, Токио, Сидней. Хронология — последние сорок один день. Никаких видимых связей: менеджер хедж-фонда, конгрессмен штата Калифорния, владелец сети ночных клубов, ректор частного университета, продюсер медийных проектов, известный арт-дилер, крупный оператор логистического бизнеса. Никаких пересечений по бизнесу, родне, образованию, интересам.

Объединяло их только одно. Все семеро были найдены в гостиничных номерах, машинах или апартаментах с пробитым изнутри черепом. Удар был нанесён одним резким движением снизу вверх — от нижней челюсти до темени, словно длинным гвоздём. Орудия преступления не нашли ни в одном случае. Раневой канал был чистый, идеально гладкий, диаметром четыре миллиметра. Никакой ДНК на краях. Никакого металла. Никакого пластика. Только белок неизвестной структуры, который к моменту вскрытия успевал разложиться до аминокислотного супа.

В полости тела или в полости черепа у всех семерых на-

ходились яйца. Размером с виноградину, опаловые, плотные. Семь, девять, двенадцать штук. Биохимический анализ выдавал ошибку: материал не классифицировался ни как животный, ни как растительный, ни как грибной. Геном не читался. Лаборатория биоинженерии при штабе Интерпола трижды вернула образцы с пометкой: «Запрос некорректен».

Драго закрыл файл, налил себе кофе, открыл файл снова. На седьмой фотографии в углу кресла лежало то, чего не было на остальных шести: маленький розовый камешек со стразой. Точно такой же, как тот, что он сунул в карман пиджака после ухода Энн.

Драго очень медленно поставил чашку. Очень медленно достал из ящика свой пиджак. Очень медленно проверил карман.

Камешек был на месте. Точно такой же.

— Лук, — сказал Драго в защищённый канал.

— Иду, — ответил канал тут же, как будто Лук сидел рядом и ждал.

Через минуту Лук Чжан-Ари вошёл: длинный, тонкий, как тушь, с наушниками на шее. Поставил на стол свой планшет и, не садясь, сказал:

— Я знаю, зачем ты позвал.

— И зачем?

— Я уже сделал. Камешки одинаковые. Производство — Гуанчжоу, фабрика «Цзинь-Хао», партия 0418. Пятьдесят тысяч штук разошлись по всему миру через онлайн-маркет-

плейс за последние полгода. Совпадение, статистически почти достоверное.

— Почти?

— Почти, — Лук помолчал. — Но не вполне. Драго, у тебя в кабинете есть кое-что, чего ты не замечаешь.

— Что?

— Запах. Очень слабый. Я чувствую его уже две недели. Сладковатый, как ваниль, — и ещё чуть-чуть, как нагретый янтарь. Я этот запах знаю. В детстве слышал такой в храме у бабушки. Бабушка у меня была буддистка. Она этот запах звала «дыхание Бардо».

— И что?

— Тот, у кого этот запах, — не человек.

Драго очень медленно отодвинул чашку. Очень медленно посмотрел в окно. Очень медленно сказал:

— Энн пахла ванилью. Я думал — духи.

— Не духи. Не нейро-духи. Ничего из того, что продаётся.

— Тогда кто?

— Энн — человек. Совсем человек. Слишком даже. Запах не от неё.

— А от кого?

— От того, кто за ней приходит. Драго, кто-то ходит за нашей девочкой по пятам. Заходит в твой кабинет, пока тебя нет. Трогает твою чашку. Листает твои папки. Я нашёл частицы. Завтра принесу анализ.

Драго закрыл глаза. В голове неожиданно и очень чётко

всплыло лицо женщины, которое он видел во сне три ночи подряд. Лицо, которое он считал просто сном. Лицо с большим миндалевидным глазом и тонкой костью лба. Лицо, которое улыбалось ему сквозь сон и произносило одну и ту же фразу: «Я не зло. Я чистильщик.»

— Лук, — сказал Драго, не открывая глаз. — Ты в Бога веришь?

— В Бога не верю, — спокойно ответил Лук. — Я верю в резонанс. Так точнее.

— Хорошо. Тогда вот что мы будем делать.

Глава 6. Третий глаз Драго

Драго не помнил, чтобы когда-нибудь видел яркие сны. Сны его всегда шли в режиме чёрно-серого старого кино, без звука, с одной и той же повторяющейся мизансценой: коридор, дверь, женский силуэт за дверью, дверь не открывается. После гибели Аделины — жены, погибшей в теракте в парижской Опера Гарнье в 2044-м, — сны окрасились в один цвет: цвет её крови на белом мраморе фойе. Этот цвет он узнавал даже без открытых глаз. С тех пор семь лет ни один сон не приносил ему живого человека.

Три ночи назад в его сон зашла женщина.

Она шла к нему по длинному, очень узкому коридору, обшитому панелями из мокрого тёмного дерева. Стены коридора пульсировали — медленно, ровно, как дышащее лёгкое. С потолка падал свет, серебристо-серый, без источника. Женщина была невероятно высокая, с тонкой длинной шеей, бритым черепом, на котором проступали едва различимые костяные рёбра, и одним огромным глазом во весь лоб — миндалевидным, перламутрово-чёрным, бездонным. Второго глаза у неё не было: на его месте была гладкая костяная пластина. Рот состоял из подвижных хитиновых мандибул, расходящихся, как лепестки тёмного цветка.

Она остановилась в трёх шагах от Драго и наклонила голову. Голос пришёл не через уши, а сразу в висок:

— Я не зло. Я чистильщик.

Драго попытался спросить, кто она. Голос его не слушался.

— Молчи, — сказала женщина. — Скоро узнаешь. Я приду к тебе, когда ты сам меня позовёшь. До этого момента я тебя не трогаю. Ты мне нужен живым, Драго Велимир, потомок тех, кто стоял на венецианских берегах лагуны и не бежал. Ты будешь моим переводчиком на этой планете.

— Переводчиком? — наконец смог выговорить Драго.

— Переводчиком с языка тех, кто ещё спит, на язык тех, кто уже проснулся. С языка плоти — на язык резонанса.

— Я не священник, — попытался отшутиться Драго.

— Священник не подходит. Священник верит. Мне нужен тот, кто не верит, но видит. Ты видишь, Драго. С восьми лет видишь то, чего другие не видят. Ты только всю жизнь делаешь вид, что не видишь, потому что иначе тебя бы давно поместили в клинику. Я знаю про мальчика с двумя плёночными аппаратами, которого ты однажды увидел под мостом в Лугано, и которого через час нашли мёртвым, хотя никто, кроме тебя, его до этого не видел. Я знаю всё о тебе, Драго. Поэтому выбрала тебя.

Драго проснулся в тринадцать утра, мокрый, как из реки. На подушке рядом с его головой лежал маленький розовый камешек со стразой.

Камешек был тёплый. Очень тёплый. Как живой.

Драго встал, отнёс камешек на кухню своих апартаментов

на Boulevard de Suisse, положил в стакан, залил холодной водой. Постоял минуту, наблюдая, как страза играет в полумраке — снаружи гавань отбрасывала на потолок медленные блики. Потом резко вылил воду в раковину и швырнул камешек в мусорное ведро.

Через час, ложась обратно в постель, он машинально проверил карман пиджака, висевшего на спинке стула.

Камешек был там.

Тёплый.

Драго сел на край кровати и в первый раз за семь лет заплакал. Тихо, как плачут мужчины, которые знают, что им не положено: без звука, без судорог — просто два ровных ручейка вдоль носа. Он плакал не от страха. Он плакал от внезапного и совершенно невозможного облегчения. Впервые за семь лет ему сказали, что он не сошёл с ума.

Глава 7. Каре Лука

Лук Чжан-Ари сидел в своей нише на третьем этаже монашеского офиса «Аномалии-9» — в маленьком кабинете без окон, который он сам себе выпросил после того, как в третий раз отказался от повышения. Кабинет был с виду пуст: стол, кресло, два монитора с голо-расширением, кофеварка, одно кресло-мешок для редких гостей, и сорок семь жёстких дисков на полке, каждый подписан корейским иероглифом. На стене висел один предмет — деревянная маска корейского шамана, чёрная, с обнажёнными зубами. Под маской мелким карандашом было написано: «не верить — но видеть».

В девять утра Лук закончил собирать пакет. Семь видеозаписей с камер семи мест преступлений за последние сорок один день. На каждой записи ИИ-фильтр, который он написал три месяца назад для совершенно другого дела, нашёл одну и ту же микробиомеханику ходьбы. Не лицо. Не одежда. Не рост — рост менялся в пределах семи сантиметров. Не цвет волос — менялся. Не возраст — менялся. А именно крошечная, неуловимая для обычного глаза асимметрия в работе таза, тончайший сдвиг центра тяжести при шаге, на полградуса больше нужного поворот стопы внутрь при отталкивании, и характерный «отскок» от земли — тот самый, какой бывает только у людей, у которых в копчике лишний позвонок.

Лишний копчиковый позвонок встречается у одного человека из четырнадцати тысяч.

В семи городах за сорок один день — один и тот же лишний позвонок, одна и та же асимметрия, одна и та же стопа.

Лук отправил пакет Драго с пометкой: «Семь раз. Лицо — маска. Тело — одно».

Через тридцать секунд Драго был у него в кабинете.

— Покажи.

Лук прокрутил запись из Лос-Анджелеса. Женщина в светлом платье шла через двор особняка на Mulholland к двери кабинета медиапродюсера. Лицо в полный профиль, ракурс безупречный, освещение мягкое. Азиатка лет двадцати пяти, очень худая, с короткой стрижкой.

— Хорошо. Дальше.

Лук прокрутил запись из Амстердама. По коридору дома на Херенграхт шла другая женщина: рыжая, в красном платье, каблуки.

— Другая.

— Лицо да. Тело то же. Смотри.

Лук наложил вторую запись на первую в полупрозрачном слое и синхронизировал по шагу. В замедленном повторе картина становилась невозможной: рыжая в красном и азиатка в светлом двигались идентично, до сотой доли секунды. Каждый микросдвиг таза, каждый угол стопы.

— Не одна женщина в двух париках, — Лук говорил очень тихо. — Разные тела с одной центральной нервной системой.

Или одно тело, которое умеет выглядеть по-разному.

— Объясни.

— Если бы я мог объяснить, я работал бы не у тебя, а в Калифорнии и зарабатывал бы в сорок раз больше. Я не могу объяснить. Могу только показать.

Драго помолчал. Сел в кресло-мешок, который под ним просел почти до пола.

— Имя у неё есть?

— Сейчас. Я прогнал лицо номер семь через нашу базу антропометрии. Совпадение нашлось одно, статистически чистое. Лицо называется Марьянна Делакруа-Линь. Двадцать семь лет. Объявлена в розыск как пропавшая без вести сорок один день назад. Мать заявила. Найдена не была.

Драго сжал ладонями виски.

— А лицо номер один? — он показал на азиатку из Лос-Анджелеса.

— Марьянна Делакруа-Линь. С другим разрезом глаза и другим тоном кожи. Антропометрия совпадает на девяносто восемь процентов.

— А лицо номер три? — Драго показал на блондинку с записи из Токио.

— Марьянна Делакруа-Линь.

— Все семь?

— Все семь — Марьянна Делакруа-Линь.

Драго встал с кресла-мешка, прошёл к стене, постоял перед маской корейского шамана. Маска смотрела ему в живот

пустыми глазницами.

— Лук, — сказал Драго, не оборачиваясь. — А что говорят про Марьянну Делакруа-Линь те, кто её знал?

— Я опросил троих. Подругу Кайру — гречанку, которую Марьянна однажды вытащила из притона в афинском Эксархии, — бывшего партнёра и соседку по мансарде в Лиссабоне. Все трое сказали одну и ту же фразу разными словами.

— Какую?

— «Удивительно добрая девочка. На таких всё держится».

Драго повернулся.

— Что?

— Добрая с самого детства. Подбирала бездомных животных на улицах Марселя. Вытащила Кайру из наркопритона в Афинах. Подбирала избитых незнакомцев и тащила к себе отлёживаться. Всех жалела. Ни разу никому не отказала. Кайра сказала буквально: «Если бы не Марьянна — я бы давно умерла».

Драго сел обратно в кресло-мешок. Кресло-мешок чуть слышно скрипнуло.

— Лук, — сказал Драго очень медленно. — Ты понимаешь, что мы ищем?

— Не понимаю. Но чувствую.

— Что?

— Что мы ищем не убийцу.

— А кого?

— Уборщицу.

Драго засмеялся коротко, без юмора, и потёр лицо ладонями.

— Я во сне видел женщину, — сказал он не Луку, а потолку. — Она говорила мне три ночи подряд одно и то же. «Я не зло. Я чистильщик».

Лук не вздрогнул и не удивился. Просто кивнул, как будто услышал прогноз погоды.

— Тогда нам нужно её найти, — сказал он. — Не для того, чтобы задержать. А для того, чтобы спросить, какую именно грязь она убирает. И почему её больше нет в её собственном теле.

Глава 8. Жёлтый бант

В девятнадцать ноль-ноль Энн вышла из здания «Аномалии-9» с улыбкой, которая через семьдесят метров погасла полностью. Жёлтый бант она сняла ещё в лифте, скомкала и бросила в сумочку. Походка её, лишённая зрителей, выпрямилась и стала жёсткой. Она пересекла Boulevard de Suisse, не глядя на светофор, спустилась к набережной и поймала автономный кэб.

Машина провезла её через Монте-Карло, затем через тоннель под скалой, и остановилась у старого дома в Ла-Кондамин с глухими ставнями. Энн вышла, набрала код на домофоне старого образца, поднялась без лифта на четвёртый этаж, открыла дверь без таблички.

Внутри сидел человек, которого в «Аномалии-9» не знал никто, кроме самого верха. Лет шестидесяти, худой, седой, без определённого лица — то ли бельгиец, то ли датчанин, то ли никто конкретно. Дорогой серый костюм без галстука и очки без оправы. На столе перед ним лежали папки. На одной из папок было написано от руки: «Велимир Д. — материал».

Вивьен знала его имя: Альбан Морэ. Седой. Le Gris. Впрочем, в комнате сейчас Вивьен не было.

— Ну? — сказал человек, не здороваясь.

— Сегодня он показал мне семь жертв. Всё, что у них по

делу «Опал», — Энн произнесла кодовое имя без интонации.

— Кому ещё показывал?

— Только мне. Лук уже знает — у него свой канал. Драго доверяет Луку больше, чем себе.

— Хорошо. Дальше.

— Драго ведёт себя странно. Вчера ночью я слышала, как он плакал в кабинете. Сегодня утром у него красные глаза. Он что-то узнал.

— Что узнал?

— Не знаю. Не сказал. Я... — Энн запнулась. — Я не могу его расколоть. Он не такой, как вы говорили.

— Какой же он?

— Видящий, — Энн произнесла слово, которое сама не вполне понимала. — Он смотрит на меня и видит насквозь. Я каждый раз чувствую себя голой изнутри. Когда он меня трахает, я чувствую, что он жалеет. Не как мужчина женщину, а как человек человека. Я этого не выношу.

Человек напротив снял очки и медленно протёр их шёлковой тряпочкой.

— Девочка, — сказал он мягко. — Тебе двадцать один. Ты не первая моя девочка. Сделаешь то, что должна, и получишь то, что обещано: апартаменты в Лозанне, машину, паспорт без ограничений и место в структуре за пределами Монако, чтобы тебя никто не нашёл. Если не сделаешь — пойдёшь под международную юрисдикцию как пособница убий-

це семи человек. У меня всё подготовлено. Выбирай сама.

— Я выбрала уже давно. Просто...

— Просто что?

— Просто мне жалко его, — сказала Энн и впервые за разговор подняла глаза.

Человек улыбнулся очень тонкой улыбкой.

— Жалко — пройдёт. Жалко — химия. Через неделю забудешь.

— А если не забуду?

— Тогда я тебя пожалею. По-своему.

Энн понимающе кивнула, встала и пошла к двери.

— Один вопрос, — сказала она в дверях.

— Какой?

— А кто такая та женщина? Та, что их всех... та, которую мы ищем.

— Не твоё дело.

— Но если я в неё врежусь? Если она придёт за мной?

— Не придёт. У тебя в крови уже две недели стоит маркер.

Если она приблизится к тебе ближе чем на двадцать метров, ты почувствуешь жжение в области грудины и у тебя двадцать секунд, чтобы отойти. Хватит.

— А если не хватит?

— Тогда ты будешь, девочка, отличной жертвой. И мы наконец получим её биоматериал на твоём теле. Я был бы тебе за это весьма благодарен. Посмертно.

Энн закрыла за собой дверь, не сказав до свидания. На

лестничной клетке она прислонилась спиной к старой штукатурке и постояла минуту с закрытыми глазами. Снаружи сквозь щель в ставне тянуло ночным морем. В груди ничего не жгло. Маркера она не чувствовала. Она вообще ничего не чувствовала, кроме одной острой, новой, неприятной мысли.

«Кажется, я не та, кем была вчера. Кажется, во мне за последние сутки что-то сломалось».

В этот самый момент в двух кварталах от неё, в маленьком кафе над гаванью, Вивьен пила чёрный чай без сахара и через голо-окно очень внимательно наблюдала за домом с глухими ставнями, из которого через семь минут вышла Энн. Вивьен видела жёлтый бант, торчащий из сумочки. Видела бледную полоску шеи над воротником. Видела, как Энн неровно переходила улицу под монакскими фонарями — их свет был платиновым, почти медицинским, и ложился на асфальт ровными прямоугольниками.

Резонансный сканер в правом виске Вивьен — орган, вмонтированный в её гуманоидный череп между лобной и височной костью — тихо звякнул и выдал короткий вывод на внутреннем дисплее:

ОБЪЕКТ: женщина, 21 год. Резонанс — 0.31 из 1.00. Порог планетарного выживания — 0.42. Подлежит зачистке. Класс приоритета: средний. Заметка: связана с объектом наблюдения «Велимир». Рекомендация: чистку отложить, использовать как канал.

Вивьен допила чай, оставила на столике купюру и встала.

Платиновый свет фонарей лизнул её лицо снаружи, сквозь биостекло, — лицо Марьянны Делакруа-Линь, живое до последней поры, тёмное до последней ресницы.

«Используем как канал», — повторила она про себя.

И в первый раз за сорок один земной день улыбнулась той самой улыбкой, которую Марьянна Делакруа-Линь улыбалась ровно один раз в жизни — когда вытащила Кайру из афинского притона и поняла, что та будет жить.

Улыбка эта была её. Не Вивьен. Марьянны.

Вивьен на ходу прикоснулась пальцами к виску и тихо сказала на своём языке — языке Аррай-Тэ, языке серебряных деревьев планеты в системе Эпсилон Эридана:

— Спасибо, девочка. Я слышу тебя.

Внутри неё, в очень глубоком слое, где раньше у Марьянны было сердце, кто-то улыбнулся в ответ.

Глава 9. Марьянна из Сайгона

Вивьен лежала в ванне лиссабонской мансарды, на верхнем этаже дома с облупленными изразцами азулежу цвета вечерней волны. Снаружи брезжил рассвет, и где-то далеко внизу, за черепичными крышами Алфамы, плыл гудок двадцать восьмого трамвая — хрипловатый, как вздох человека, который устал просыпаться. Вода в ванне была горяча почти до ожога — температура, которую гуманоидная оболочка Вивьен переносила без следа, а вот человеческая кожа Марьянны Делакура-Линь должна была уже белеть и пузыриться. На бортике стояла плоская тарелка с морской солью крупного помола, плитка чёрного шунгита и серебряное блюдце с девятью каплями её собственной крови. Кровь не сворачивалась: состав её был стабилизирован на молекулярном уровне.

Раз в семь земных суток ей требовалось входить в режим интеграции. На Аррай-Тэ это называли «слышать носителя» — открывать запечатанные архивы памяти, прожитой до контракта, позволять ей подниматься сквозь биохимию тела, как поднимается со дна взмученный ил: медленно, клубами, в строгой дозировке. Иначе — перегрузка, коллапс, выгорание нейронных цепей. Сегодня был пятый сеанс.

Тело Марьянны перестало быть чужим уже через неделю после контракта. Но память Марьянны оставалась упакована в плотный пакет в зоне правого гиппокампа, и каждый

сеанс разворачивал один-два слоя. До сегодняшнего дня Вивьен видела самое раннее: Сайгон, первые шесть-семь лет. Жара в восемь утра такая, что асфальт мягчает. Запах жареных пружинных рулетиков и гнилых лонганов у уличного лотка. Мопеды в три слоя, непрерывный гул рожков. Мать — Линь Тхи Хоа — поёт в баре «La Pagode» на улице Дон Кхой: низкий, дымный голос, фламенко и торч-баллады вперемешку, французский репертуар с лёгким вьетнамским акцентом, публика — в основном экспаты и туристы, которым нравится эта особенная меланхолия полутропического вечера. Отец — Тьерри Делакура, длинный, рыжеватый, с «Лейкой» на груди — фотографирует всё подряд: рынки, пагоды, рыбаков на протоке Те Нгэ, и мать тоже фотографирует, всегда тайком, чтобы та не заметила и не закрылась. На этих снимках Линь Тхи Хоа всегда смеётся. Все эти эпизоды были тёплые, пронизанные запахом дешёвого рома и апельсиновой цедры. Вивьен проживала их с любопытством антрополога: «Вот, значит, как у них устроено раннее счастье».

Сегодня архив подал ей четырнадцать лет.

Марсель. Квартал Жольет. Февральская ночь после школьной дискотеки в Доме культуры на рю Виктор-Жело. На улице холодно — не тот пронизывающий северный холод, которого Марьянна не знала, а влажный, солёный, марсельский: мистраль гонит от залива запах гниющих водорослей и дешёвого табака. Марьянна возвращается домой через пустой переулок к заброшенному складскому корпусу — она

знает этот путь, ходила здесь сотни раз, здесь короче. На ней ситцевое платье в мелкий цветочек поверх леггинсов и курточка на синтепоне с разошедшейся молнией. В руках — пакет с парой яблок, купленных в ночном арабском магазинчике на углу.

У проёма склада стоят трое. Лампа на столбе мигает и гаснет — в этом квартале лампы часто гасли и никто не торопился их чинить. Двоих Марьянна узнаёт — старшеклассники из параллельного лица, она видела их на дискотеке. Третий незнаком: мужчина лет двадцати с лишним, не местный, в кожаной куртке, от него пахнет дешёвым пивом и чужим одеколоном.

— Марьянна, привет. Иди сюда, — говорит один из старших. Антуан. Она помнит его имя.

Марьянна хорошая девочка. Марьянна всем помогает. Марьянна делает шаг вперёд.

Дальше память отрывается от тела, как кинолента, которую срезали на монтажном столе. Марьянна помнит не действия — детали. Помнит руку в чёрной перчатке, зажавшую ей рот и нос: пальцы пахли машинным маслом и табаком «Gauloises». Помнит холодный бетонный пол, на котором что-то хрустело под её коленом — осколок бутылочного стекла, и как она всю эту вечность старалась не двигаться, чтобы не порезаться глубже, чтобы кровь не испачкала платье, и тогда мама не спросит. Помнит, что боль в какой-то момент превратилась в ровный белый шум, как зашипевшее

радио. Помнит, как мимо проёма прошёл старик с маленьким пуделем, и пудель остановился, учуял, заскулил коротко, и старик дёрнул поводок и прошёл дальше.

Помнит, как закончилось. Как её бросили прямо там, в пыльном провале склада. Как Антуан, уходя, сказал по-французски, небрежно, как говорят о мелком долге: «Никому не слова, Марьянна, мы же свои». Марьянна всю ночь просидела в ванной коридора, не включая свет, слушая сквозь стену, как мать возится на кухне с бутылкой — Линь Тхи Хоа уже давно не пела в баре, давно пила дешёвый ром за кухонным столом и иногда плакала о Тьерри. Утром Марьянна встала, умылась, сожгла платье в мусорном баке во дворе. Надела чистое. Никому ничего не сказала. Ни разу за тринадцать лет.

Через три недели она поняла, что беременна. Сделала прерывание у одной частной медсестры-алжирки, которую нашла через объявление. Деньги взяла из конверта, который Бруно прятал под половицей в прихожей, — рыбак Бруно, второй муж Линь, вечно пьяный и вечно пахнущий снетком, хранил там записку от Линь. Через полгода конверт хватились. Бруно избил Марьянну, а потом Линь — просто по инерции. Марьянна снова никому не сказала.

Вивьен в ванне выгнулась дугой. Тонкая полоска пара поднялась от её груди — биохимическая реакция, которой она раньше в этом теле не наблюдала. Кожа Марьянны покрылась мурашками, хотя вода была горячей. Сердце дало

внеплановый тройной удар.

В сознании Вивьен звучал не голос Марьянны — нет, у Марьянны в той ситуации голоса не было. Голос отказал. В сознании Вивьен звучал тихий, ровный, нечеловеческий скулёж маленького пуделя, которому дёрнули поводок.

И впервые за свои четыреста семь земных лет жизни Вивьен почувствовала, что плачет.

Слёзы у неё текли не так, как у людей. Они вытекали из лакримального резервуара в основании черепа через тонкие протоки в углы глаз. Состав их был сложным: помимо солевого раствора, в них содержались резонансные кристаллы, которые её вид использовал как сообщение для собратьев. Если бы в эту минуту рядом с ней оказался другой представитель Аррай-Тэ, он прочитал бы по составу её слёз: «Я узнала боль. Никогда не думала, что узнаю».

Она пролежала в стынущей воде час. Потом ещё час. Потом встала, не вытираясь, прошла в маленькую кухню мансарды — потолок наискось, кафель с трещинами, окно в крышу, за которым светлело небо Алфамы, — открыла холодильник, достала молоко и выпила залпом прямо из пакета. Белок и кальций были ей сейчас нужнее всего.

— Марьянна, — сказала она вслух пустой кухне.

Молоко стекло по подбородку.

— Марьянна, прости меня. Я не знала. Я думала, ты просто согласилась на контракт, потому что устала жить. Я не знала, что у тебя в плоти живёт пудель, которому дёрнули

поводок и заставили молчать.

Из глубины правого гиппокампа, оттуда, где хранился сжатый архив Марьянны, пришёл короткий ответный импульс. Не слово. Не образ. Только тепло.

Тепло было такое, как от руки, которую кладут на плечо в темноте.

Вивьен впервые в жизни поняла, что носит в себе не оболочку. Носит в себе человека. И что договор, заключённый в межслое над этой же ванной, — договор, который Марьянна приняла, умирая, с морской солью в волосах и фаду в ушах, — имеет цену гораздо большую, чем она тогда понимала.

«Я буду тебя слышать», — сказала она теплú внутри.

«Я буду тебя слышать каждый день. И каждого из тех, кого я найду на этой планете, — каждого, в ком пудель, которому не дали залаять, — я выслушаю до конца. А потом сделаю свою работу».

Тепло внутри сжалось в маленькую точку у солнечного сплетения и устроилось там, как кот, который наконец нашёл себе хозяина.

Глава 10. Кайра

Через сутки архив подал следующий блок. Семнадцать лет.

Марьянне семнадцать. Она живёт в Марселе, в той же квартире на улице Монтеверди в квартале Ле-Пайон — серый панельный дом, ржавые баркасы внизу у набережной, запах мистралья и жареной рыбы, который с годами перестаёшь замечать. Линь всё дальше уходит в бутылку, Бруно рыбачит, пьёт и иногда бьёт — сначала Линь, иногда заодно и Марьянну. В школе Марьянна учится отлично, но это никому не интересно. Жизнь происходит где-то в стороне от неё — она смотрит в окно с подоконника, на котором умирает горшок с базиликом.

В полночь пятницы звонит Кайра. Кайра — её единственная подруга по лицу, гречанка из Салоник, выросшая в Марселе, черноглазая, с крупными руками и голосом, который всегда звучал чуть громче, чем нужно. В восьмом классе Кайра влюбилась в одного старшего — и покатила, как это бывает: сначала алкоголь, потом что-то потяжелее, потом снова и снова. К семнадцати у неё за плечами уже две программы детоксикации. Сейчас Кайра звонит из афинского такси, голос размытый, слёзы скомканы под алкоголем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.